

1. http://www.lgz.ru/archives/html_arch/1g222003/Polosy/art3_1.htm
2. <http://mdm.princ-tass.ru/ns/7/20030905/364747.htm>
3. http://www.club4vlast.ru/pr_Seleznev.html
4. <http://www.aglob.ru/analysis/index.php?id=551>
5. <http://www.aglob.ru/analysis/index.php?id=555>
6. <http://pr.philos.msu.ru/ahrl.html>
7. <http://www.ifcs.ru/print.php?id=292>

Статья предоставлена кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 25 февраля 2004 г.

УДК 316.56

С.В. Пирогов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И УРБАНИСТИКА

В статье рассматриваются возможности применения принципов феноменологии к изучению города как социокультурного феномена. Определяются социально-практические предпосылки и задачи феноменологического анализа города, анализируются специфика объекта и предмета феноменологической социологии города, особенности феноменологического восприятия городской среды, образ города как порождающая структура восприятия и поведения, методические особенности их изучения.

СОЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЗАДАЧИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГОРОДА

Процесс урбанизации всегда сопровождается проблемными ситуациями в области социальных отношений и личностной экзистенции. Для того чтобы адекватно диагностировать эти ситуации, недостаточно изучать город только с прагматической позиции, методами структурно-функционального анализа. Город – целостная, комплексная среда, обладающая не только витальным, но и личностно-смысловым модусом обитания человека. Горожанин не просто живёт в ней, он к ней относится, он воспринимает её на основе личностных диспозиций и интенций. В этом плане город следует рассматривать не как структурно-функциональный объект, а как феномен, возникающий в процессе интерференции территориально-поселенческих, социально-отношенческих и ментальных структур. Резервы познаваемости городской жизни находятся в области изучения механизмов взаимоперехода объективных и субъективных компонентов городской жизни. Изучение этой области предполагает «переопределение теории» с объектно-субъектных отношений на процессы саморазвития и самоорганизации города и городских сообществ [1].

Другим методологическим недостатком традиционной урбанистики является фрагментарность ракурсов изучения города – познавательная ситуация, когда город «раскладывается» на всё возрастающее и пересекающееся число подсистем. При этом исчезает индивидуальное своеобразие и понимание индивидуальных проблем конкретных городов.

Город постоянно меняется во всех отношениях, порождая новые и обостряя старые проблемы, «выскальзывает» из-под организационно-управленческого воздействия, актуализирует интеграционно-коммуникативные проблемы взаимодействия всех субъектов городской жизни.

Необходимость феноменологического подхода к изучению города обусловлена:

1) континуальностью городской жизни, взаимопереходом объективных и субъективных структур жизнедеятельности и вытекающей отсюда проблемой структуризации жизненного мира горожан и локусов городской жизни;

2) многоликостью и уникальностью городов, обуславливающих постановку проблемы основания индивидуального своеобразия городов – проблемы «духа города», специфики городской ментальности;

3) изменчивостью городской жизни и проблемой механизмов саморазвития городов как пространства коммуникации.

В связи с этим актуализируются следующие познавательные задачи.

Задача понимания поведения горожан предполагает использование феноменологической методологии, на базе которой можно уловить смысловую контекстуальность актуальной повседневности и мотивационной интенции современного горожанина. Город во всей его полноте невозможно познавать как структурно-функциональный объект. Город есть интенциональный предмет – феномен, возникающий как конструкция сознания субъектов городской жизни как пространство коммуникации, как диалог социокультурных сообществ.

Задача проектирования и прогнозирования городской среды и образа жизни включает в себя (а может быть, начинается с него) конструирование образа города как семантического средства решения коммуникативной задачи – экспликации смыслов и перспектив совместного сосуществования. Конструирование образов городов как создание новых социокультурных проектов – задача одновременно научно-инженерная и ценностно-мировоззренческая, поскольку проектирование среды обитания – это проектирование образа жизни и типа личности.

Задачу преодоления деструктивных феноменов городской жизни и поведения горожан в последнее время все более связывают с изучением процессов разрушения личностных смыслов. Современные исследователи социально-психологических проблем городской жизни, начиная с Дж. Голда и С. Милграма, понимание личностно-деструктивных феноменов всё более связывают с символическими и личностно-смысловыми обстоятельствами жизнедеятельности и общения, обращаются к идеям М. Вебера, Г. Зиммеля, В. Дильтея, Э. Гуссерля и А. Шюца. Подчёркивается, что для изучения реакций различных сообществ на стрессы городской жизни, искажения восприятия среды, чувства беспокойства и опасности, девиантного поведения, вандализма по отношению к среде обитания и др. большое значение имеет понимание картины мира субъектов городской жизни. С позиции феноменологического подхода вос-

прияние и отношение к городу всегда опосредованы некоторой априорной смысловой конструкцией, формирующей

мирующей в структурах жизненного мира, разрушение которого чревато поведенческими аномалиями.

ОБЪЕКТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА

Практические задачи управления (в широком коммуникативно-смысловом плане) жизнью города предопределили постановку и стимулируют развитие ряда теоретических проблем и задач, обсуждаемых в рамках феноменологической социологии. Внимание социологов вообще, урбанистов в частности к феноменологической методологии было обусловлено усилением ряда характеристик социокультурной реальности современного общества, наблюдаемых прежде всего в больших городах. Речь идёт о резко возросшей социокультурной мобильности и гетерогенности городских сообществ. Как пишет Н.М. Смирнова, в связи с бурной урбанизацией главной задачей эмпирической социологии стало исследование процесса адаптации человека традиционной культуры к городской промышленной среде. Постановка ряда теоретических проблем практической адаптации мигрантов социологами чикагской школы в дальнейшем закономерно привела А. Шюца к разработке феноменологической социологии [2]. Изучение социокультурных реалий городов позволит, на наш взгляд, операционализировать и наработать методики изучения как отдельных феноменов постмодернистского общества, так и социокультурных реалий современной России, для которой в немалой степени характерна ситуация перехода от одного типа общества к другому.

Использование феноменологической методологии обусловлено в первую очередь спецификой объекта, новым пониманием природы городской жизни и поведения горожан. В современной урбанистике одним из первых об этом стал говорить Дж. Голд, оказавший большое влияние на её развитие. Он писал, что город «имеет двойственный характер: “объективной среды”, или мира действительности, которую можно непосредственно измерить при помощи тех или иных средств, и “поведенческой среды”, или мира сознания, поддающейся изучению лишь косвенным путем. Сколь бы неполной или выборочной ни была поведенческая среда, именно она, как и следует из ее названия, является основой принятия решений и совершения тех или иных поступков» [3]. Поведенческая среда, неотделимая от городской морфологии, является полем формирования поступков. Поведенческая среда, наблюдаемая как совокупность поведенческих актов множества субъектов городской жизни, по его мнению, не хаотична.

Основой понимания поведения горожан должен являться реляционный взгляд на пространственное поведение, согласно которому основой поведения является личностный смысл, формирующийся в конкретной ситуации. Один из основателей социальной феноменологии М. Мерло-Понти писал, что «феноменологический мир есть не мир чистого бытия, но смысл, который проявляется на пе-

ресечении моих опытов и на пересечении моих опытов с опытами другого; благодаря сцеплению тех и других он, стало быть, неотделим от субъективности и интерсубъективности, которые составляют единое целое благодаря возобновлению моих прошлых опытов в моих настоящих опытах, опыта другого – в моем опыте» [4. С. 19]. Структурно-функциональная парадигма (в частности, парсоновская концепция) игнорирует ситуационную обусловленность процесса институционализации (интериоризации ролей), тот факт, что усвоение социальных ролей протекает по-разному в различных социальных контекстах. Трактовка природы социальной реальности как ситуационно-смысловой согласуется с феноменологическим пониманием социального действия как интенционального переживания реальности.

Поведение, понимаемое А. Шюцем как опыт сознания, наделяющий значением спонтанную активность, основывается на личном опыте и личных интересах человека. «Причинные связи в объективном мире переживаются субъектом как средства и цели, как препятствие и помощь для спонтанной активности мысли или действия. Они проявляют себя в качестве комплексов интересов... Система этих комплексов, которые соединены друг с другом множеством связей, субъективно переживаются индивидом как система его планов на конкретный день и час, для работы и отдыха...» [5. С. 219–220]. Поведение основывается на смысловой конструкции реальности из значимых для личности фрагментов окружающей среды в её единстве, слитности вещественных и идеальных компонентов. Опыт сознания не исчерпывает опыт рационально-прагматического действия, а в феноменологии предстаёт как опыт переживания, как неразрывное единство предметности (Э. Гуссерль называет её нозмой) с личностно-смысловым содержанием акта восприятия предмета (нозой). В подобном единстве «таёт», по выражению Н.М. Смирновой, свойственное классической рациональности традиционное раздвоение познавательного процесса на «субъект» и «объект».

Поскольку в феноменологической парадигме смысловая структура мира есть одновременно конституция и конструкция, при исследованиях необходимо отчетливо осознавать тот факт, что каждый индивид формирует свою особую социальную и физическую среду и именно на нее реагирует. Адекватное объяснение поведения в определённой среде должно исходить из представления о среде как единстве морфологических и смысловых структур, а поведение – представляться как взаимообусловленный процесс действия и результата.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ГОРОЖАН КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ. ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК ЕДИНИЦЫ НАБЛЮДЕНИЯ

В процессе эмпирического изучения отношения к городу (в социологических опросах) в высказываниях респондентов различаются два аспекта:

1) прагматический – отношение к месту жительства с позиции пользы, витальных параметров среды;

2) аксиологический – отношение к образу жизни с позиции структуры личности, её потребностей, интересов, ценностей.

Первый аспект характеризует ориентации горожан на достижение определённого уровня жизни, второй –

личностную позицию горожанина и в конечном итоге ориентацию на определённый стиль жизни – понятие, эксплицирующее сущность поведенческих различий в современном городском обществе. Этот социологический факт свидетельствует о сложной структуре мотивационного отношения к городу как к феномену, а не просто как к объекту удовлетворения витальных потребностей. Принципиально важной для понимания поведения горожан является, на наш взгляд, методологическая идея феноменологии о единстве и взаимообусловленности предмета и смысла в сознании и поведении, интенциональном отношении к городу как среде обитания. Структуры жизненного мира не различаются на материальные и идеальные, на действительно существующие и существующие в виде проекта, мечты или фантазии. Для человека они все одинаково реальны и составляют его «жизненный план» (А. Шюц). Изучение жизненного мира, по мнению А. Шюца, возможно через выявление адекватных данному субъекту интересов, которые «высвечивают», «озаряют смыслом» фрагменты реальности и являются опорными точками жизненного пространства и поведения. «Другими словами, именно интерес определяет в равной мере, какие из элементов онтологической структуры предданного нам мира и актуального запаса знаний будут релевантными для субъекта в его усилиях справиться с ситуацией... найти своё место в ней и как-то овладеть ею. Эта форма релевантности получает у нас название мотивационной релевантности, поскольку субъективно она переживается как мотивация для осмысления ситуации и овладения ею» [5. С. 220].

Если феноменология социального мира – это попытка построить общую теорию коммуникации посредством прояснения систем релевантности, то феноменология города – это попытка изучить коммуникативное пространство горожан. Преодоление деструктивных феноменов поведения и развитие коммуникативного пространства города связано, по мнению феноменологически ориентированных социологов, с изучением систем релевантности. Релевантный – лично-относительно-различимый, обладающий лично-смысловой значимостью фрагмент реальности, сегмент жизненного мира. Соответствие систем релевантностей означает, что Мы оба отбираем и интерпретируем общие объекты и их характеристики одним и тем же способом. Ненормальное (девиантное) поведение – это поведение, соответствующее другой системе релевантностей. Непонимание и рассогласованность действий происходит из различий в структурах жизненных миров: «Вывод о том, что мои коллеги сошли с ума, означает, что они попали в мир, больше не являющийся нашим общим миром повседневной жизни» [6]. Практические задачи создания единого коммуникативного пространства (что особенно актуально и реально осуществляется в городах) предполагают разработку тео-

ретических проблем, связанных с изучением жизненного мира горожан. Эмпирически это выглядит как описание структур повседневности. В обыденном словоупотреблении «повседневное» – это то, что близко и привычно, обыденно и старо, как мир. Это наши привычки, манера говорить, воспринимать жесты другого – все так называемые «не замечаемые» консервативные и устойчивые феномены, принимаемые как сами собою разумеющиеся. Социальная феноменология, таким образом, придает первостепенное значение тому, как люди в повседневных рутинных взаимодействиях осмысливают, создают и воспроизводят то, что традиционная социология именует социальными структурами.

Повседневность является, по выражению Б. Вальденфельса, «плавающим тиглем рациональности», и в повседневности городской жизни «выплаваются» «матрицы сопряжения материализованных социальных структур и подстроенных к ним телесных навыков» поведения [7. С. 47]. Так, например, чтение в московском кафе столь же нетипично, как в парижском метро. Это объясняется тем, что посещение кафе в Москве центрировано прежде всего на приеме пищи, тогда как в Париже в эту интенцию почти всегда встраиваются коммуникативные мотивы, которые ее переопределяют. Единство и цельность городской среды в восприятии субъекта приводит к тому, что морфология городской территории становится порождающей грамматику поведения [7. С. 161].

Изучение социальной реальности как опыта повседневной жизни предполагает «вчувствование» в чужие значения, культурные горизонты сообществ (Дж. Мид, Р. Парк, А. Шюц). В основе этого лежит коммуникативная процедура аналогизирующей апперцепции, или аппрезентации. Аппрезентация конституирует функциональные сообщества одного восприятия, которые мы предлагаем обозначить как интенциональные группы – совокупности людей, обладающих общностью отношения к городской среде (локусом среды) и относительно гомогенным образом города как схемы восприятия и поведения (Gestalt). В самом общем виде интенциональные группы характеризуются:

- 1) общностью лично-относительно значимых предметов, на которые направлена активность, жизненная энергия;
- 2) общностью референции предметов городской жизни;
- 3) общим смыслом поступков.

На наш взгляд, субъектами современной городской жизни являются не столько традиционно-статусные, сколько интенциональные группы, которые идентифицируют себя с различными локусами среды, живут в разных измерениях социокультурного пространства. Понимание сущности качественных различий интенциональных групп и локусов их обитания поможет, на наш взгляд, лучше понять поведение горожан и социокультурные процессы в городах, а значит, и в современном обществе.

ВОСПРИЯТИЕ КАК ПРОЦЕСС СИМВОЛИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ СРЕДЫ, КАК СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ

С точки зрения феноменологии не существует отдельно взятых, изолированных объектов восприятия. Восприятие есть процесс конструирования реальности посредством придания значимости её отдельным фраг-

ментам. Образы восприятия – это всегда некоторый социокультурный проект. «Единство объекта основано на предчувствии какого-то неизбежного порядка, который разом даст ответ на сокрытые в пейзаже вопро-

сы, оно разрешит проблему, поставленную в форме всего лишь какого-то смутного беспокойства, упорядочит элементы, которые не принадлежали до сих пор одному и тому же миру...» [4. С. 41]. Городская среда – это хаос предметов, значений, масштабов, смыслов. Личность из этого хаоса выбирает значимые для неё фрагменты и создаёт из них порядок, свой локус пребывания. Или не создаёт. И тогда душа её бесприютна, а окружающая среда бессмысленна и враждебна. В такой среде человеку жить тяжело, и живёт он поэтому часто плохо и неправильно. «Звеньями, скрепляющими собой нормальную жизнь опыта, являются типика и релевантность. Типика есть то, что придает опыту определенную форму всеобщности, и этот процесс унификации (типизации) направляется определенными интересами, которые одно выделяют в качестве значительного, а другое оставляют в стороне как нечто второстепенное и лишенное значимости» [8. С. 342].

Вслед за В. Каганским мы понимаем городскую среду как ландшафт, как осмысленную среду, как композицию мест, пронизанных смыслом живущих в них людей. Ландшафт – единство пространства, вещей и смыслов. Жизнь-в-ландшафте – это один из способов обретения-восстановления-наращивания единства собственного жизненного мира [9]. Ландшафт – среда обитания, условие осмысленности жизни. Но смысл одновременно и ценность: люди хотят жить в определённом ландшафте, полагая это одной из ценностей жизни. Ясно, что для потомственного горожанина, вчерашнего мигранта, жителя пригородной деревушки, бродяги-бомжа, менеджера, проектировщика, художника-пейзажиста и т.д. будут существовать не просто разные образы одного и того же ландшафта – будут существовать разные миры, реальности. Ландшафт существует и постигается в разных подходах, культурных практиках, установках, ориентациях; он разный для представителей различных интенциональных групп.

Резюмируя вышесказанное, можно обозначить следующие особенности феноменологического восприятия городской среды, которые следует учитывать в эмпирических исследованиях.

Континуальность среды. Окружающая жизненная среда не совокупность дискретных объектов, а некоторая протяжённость, взаимосвязь и взаимопереход территории, пространства отношений, событий и ситуаций. Изменение одного приводит к изменению всей среды. Территориальная, социальная и культурная мобильность взаимосвязаны.

Процессуальность среды. Городская среда – поток изменений, смена ситуаций, непрерывный спектакль с разными действующими лицами и сменой декораций. Город – непрерывная и нескончаемая последовательность «драматургических действий» самопрезентации горожан. Циклические процессы не характерны для городской жизни.

Интерпретативность среды. Городская среда – продукт интерпретационной деятельности. Горожане придают определённые значения окружающим их предметам, событиям, процессам. Совокупность значений формирует, создаёт ситуацию(и). Ситуация определяется социально как система intersубъективных значений и интрасубъективных смыслов, поэтому ситуация имеет не только гносеологический и аксиологический, но и

онтологический аспект. Онтология городских ситуаций носит семантический характер и существует в форме «текста». «Текст» интерпретируется и анализируется в аспектах предметности (знака) и коммуникативности (значения и смысла). В плане интерпретативности городскую среду можно характеризовать в понятиях семантической ёмкости, семантической конвенциональности, семантической выразительности.

Реляционность среды. Все предметы среды существуют не сами по себе, а как элементы событий. Характер их значимости обусловлен контекстом всей жизни. Предметы свидетельствуют, напоминают о том, что было. Город запечатлевает и хранит в своей предметной сфере события, историю, дела и мысли людей. Город – опредмеченный «текст истории», он помнит, напоминает и рассказывает. В то же время события как значимая система действий существуют в смысловом контексте, при утрате которого отдельные фрагменты городской среды утрачивают свою выразительность или даже исчезают для восприятия.

Интенциональность среды. Городская среда одновременно и продукт, и источник интенциональной активности. В восприятии, сознании горожанина территориальные места сливаются с пространством отношений и символикой места, уходящей вглубь индивидуальной жизни и истории. Одно наслаивается на другое. Возникает качественное единство всех аспектов среды, обладающее индивидуальным своеобразием, – локусы среды.

У каждого человека, группы – свои локусы, люди живут не вообще в пространстве, а в локусах пространства. Локусы среды, по сути, являются локусами личностного бытия – личностно значимыми местами, которые люди наделяют определённым значением и смыслом. Локус среды – это конструкция жизненного пространства, созданная человеком из материальных и духовных аспектов экзистенции, одухотворённое место. И если у человека его нет, то нет жителя, а есть проживающий на данной территории. Локусы среды хранят социокультурный опыт своих жителей. Есть локусы, возвышающие человеческое достоинство, способствующие личностному росту, а есть унижающие и тревожно-раздражающие. Урбанисты давно отмечали наличие в городах неблагоприятных локусов проживания. Возникновение их – результат пересечения многих обстоятельств (социальный состав населения, уровень жизни, степень благоустройства и многое другое).

Научное изучение среды обитания, на наш взгляд, должно включать в себя теоретико-аналитическое и практико-эмпирическое выявление и описание локусов среды как структурных элементов жизненного мира горожан. Локусы личностного бытия наполняются самым ценным для горожан содержанием. А процедура ценностного выбора всегда сопряжена с рефлексией и поступком. Каковы основания этого выбора? Вот важный вопрос для понимания поведения горожанина. Какие предпочтения характерны для тех или иных социальных групп? Вот вопрос социолога. Проблема оснований и механизмов различения, выбора и конструирования локусов среды связана с комплексом практических проблем определения критерия значимости городских мест. Наряду с историко-географическим, административным, социально-функциональным основаниями

локализации и критериями центральности становится актуальным и ландшафтное (ценностно-смысловое).

Отправной теоретической точкой социологии ландшафта является аксиома, что среда обитания содержит, несёт в себе результаты, последствия пребывания, жизнедеятельности человека. Речь в данный момент идёт не об экологических последствиях, а о пребывании человека как социокультурного и экзистенциального существа: среда «впитывает» в себя думы и чувства, отношения и надежды, ценности и традиции – в целом – жизни и судьбы людей. Особенно это очевидно в городских поселениях. Социологи чикагской школы со всей серьёзностью поставили вопрос о необходимости изучения социокультурной экологии городов, о чём одним из первых начал говорить Г. Зиммель. Дж. Голд писал о «духе места», С. Милграмм – о ментальном измерении городской жизни. Вопрос о влиянии социокультурной активности населения на среду проживания ставился и изучался такими отечественными учёными, как Т.М. Дридзе, В. Глазычев, В. Каганский и др. Среда обитания не только «впитывает» в себя результаты жизнедеятельности людей, но и оказывает на них обратное влияние. Среда, особенно городская, оказывает личностно-формирующее влияние на проживающих в ней людей. В общем виде эта мысль достаточно тривиальна, однако конкретные механизмы опредмечивания-распредмечивания социокультурного потенциала городской среды исследованы весьма слабо. Одним из теоретических конструктов изучения данного вопроса, на наш взгляд, может являться понятие ландшафта.

Целью социологии ландшафта является обнаружение (теоретическое выделение) интенционально-ландшафтных групп, т.е. групп людей, отношение которых к горо-

ду обусловлено определённым характером направленности на объекты городской среды, детерминированных определёнными ценностно-смысловыми ориентациями (установками). Представители этих групп имеют свой культурный ареал обитания и свои устойчивые модели поведения. Окружающая среда, в данном случае городская, неодинаково воспринимается, оценивается и используется людьми. Это очевидное обстоятельство должно быть теоретически и эмпирически эксплицировано в виде обсуждения проблемы ценностно-смыслового зонирования среды и социокультурных стратегий средового поведения интенциональных групп: как воспринимается ландшафт и чего от него хотят представители различных интенциональных групп? Для обсуждения и исследования выдвигается тезис: отношение к ландшафту – интенциональное единство ценностной диспозиции и ориентирующего смысла.

Для каждого человека существует задача ценностно-смыслового (ландшафтного) зонирования среды. Поступок всегда фундирован переживаниями опыта (ценностная диспозиция), но одновременно он всегда устремлён в будущее (обладает ориентирующим смыслом). Чтобы понимать и объяснять поступки горожан по отношению к городским объектам, необходимо исследовать то и другое. А. Шюц писал: «Конструируя типы действия современников (не партнеров), мы приписываем более или менее анонимным участникам набор инвариантных мотивов, управляющих их действиями. Эта конструкция взаимосвязанных поведенческих моделей оказывается конструкцией взаимопересекающихся “для-того-чтобы” и “потому-что” мотивов, воспринимающихся как инвариантные» [10].

ОБРАЗ ГОРОДА КАК ПОРОЖДАЮЩАЯ СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Фрагменты городской среды – это «предметы в возможности», для реализации которых необходим акт идентификации, т.е. подведения нового переживания под уже известную схему. Феноменологически это означает, что мы идентифицируем предметы не потому, что они таковы «на самом деле» или во внешнем мире, а потому, что наш опыт типически сконструирован так, что мы можем применить зарекомендовавшие себя критерии к новым ситуациям. «Все, что встречается нам и затрагивает нас в восприятии, предстает перед нами в контексте определенной стимульной конфигурации, как образ [Gestalt] на определенном фоне, включенный в некоторое центрированное, перспективно ориентированное поле вместе с его пространственными и временными горизонтами и, в конечном счете, соотносённый с объемлющей почвой и горизонтом соответствующего жизненного мира. Значимость того, что выделяется из этого общего поля в качестве особой темы, определяется спецификой различных интересов. Вместе с тем оно сгущается до определенной повторяемой типики, подчиняется условиям нормализации и, в конечном счете, воплощается в определенных привычных структурах...» [8. С. 336].

Личный опыт смысловой ориентации в пространстве превращается в естественный порядок его восприятия и становится инерционной системой отсчета, естественной установкой, порождающей различение локусов среды первоначально на уровне чувств: уместности/неудобства, спо-

койствия/бурления, комфорта/тревоги и т.д. Образ города – семантическая конструкция (система знаков), задающая схемы восприятия города (являющаяся одновременно и сенсорно-информационным фильтром), на основе которых отбираются значимые аспекты и предметы городской жизни. Целью изучения образа города является обнаружение релевантных (субъектно различимых, значимых) семантических средств для различных субъектов городской жизни, что позволит прогнозировать характер и направленность их активности. Общая задача исследователя – представить себе образ города, адекватный субъекту восприятия.

В основе понятия «образ города» лежит идея единства, взаимообусловленности среды и образа жизни. Образ города существует не в виде ясной когнитивной схемы, а в виде слаборефлексируемых ментальных структур, одновременно мыслительных, сенсорных и поведенческих. Эвристический смысл изучения образа города – рассмотрение его как фактора поведения. Это фактор особого рода, особенность его в том, что он не обладает жёстко детерминированным характером, оказывает опосредованное влияние на поведение. Однако влияние это существенно и есть основания предполагать, что возрастающее в силу увеличения значимости символических структур и механизмов идентификации и мобильности. Специфика действия образа города как фактора поведения заключается, на наш взгляд, в том, что его действие основано не столько на нормативно-императивном механизме, сколько на когнитивно-селективном: образ города возникает в про-

цессе организации информации прошлого опыта и актуально поступающей информации, которая обрабатывается, приобретает некоторую структуру, становится информационным фильтром и тем самым фактором, организующим поведение – через избирательность отношения, через возникновение самоорганизующихся «структурирующих структур» – *Habitus*-ов как социальности, инкорпорированной в тело (П. Бурдьё).

Образ формируется в определённой степени спонтанно, из хаоса впечатлений, но, кристаллизуясь, создаёт некоторую очевидность как понимание порядка, как интенцию на определённый образ жизни, на систему определённых значений и смыслов. «То, что называют социальным жизненным миром, в обстановке и в последовательности эпизодов опытного восприятия жизни большого города принимает конкретную форму, а благодаря этому и сама жизнь большого города становится индикатором определенной формы порядка...» [8. С. 344].

На фоне такого понимания образа города можно выделить ряд его функций, а значит, и более объёмно увидеть и понять поведение горожан. Кратко обозначим функции образа города.

Прагматическая функция. Адекватный образ города просто практичен, он позволяет правильно ориентироваться и на территории, и в пространстве отношений. Но у людей разные представления о пользе, поэтому и разная прагматика отношения к городу. Образ города возникает в процессе осознания прагматических целей. Образ города участвует в процессе осознания прагматических целей.

Социализационная функция. Социальные нормы, которые усваивает человек, – это нормы непосредственного окружения. Образ города включает в себя пред-

ставления о нормах поведения в городе вообще. В то же время каждому городу присуща своя специфика нормативности, представления о «нормальном» и «правильном». Города и горожане сильно отличаются друг от друга по нормам поведения.

Мировоззренческая функция. В картине мира образ среды обитания играет далеко не последнюю роль. Первоначальные впечатления о мире и людях связаны с непосредственным окружением. Его значение подчёркивается выражением «малая родина». Патриотизм горожанина непосредственно связан с чувством любви и гордости к своему городу.

Коммуникативная функция. Помимо семантико-символической функции, отмеченной выше, можно ещё отметить фактическую – контактоустанавливающую – единый образ территории, города может явиться основой территориального сообщества: соседства, землячества и т.п.

Функция личностной самореализации. Образ города – это прежде всего конструкция личностного пространства: пространства отношений, связей, значимых предметов и фрагментов городской среды. Личностно значимые аспекты жизни определяют и траекторию территориальной мобильности. «Мой город» – это «Я в городе». Город не только даёт возможность, но и интенсифицирует личностный рост ситуацией социокультурной гетерогенности.

Магическая функция. Город завораживает многим, в том числе и своими тайнами. Город всегда загадка – «лабиринт», идя по которому, сталкиваешься со многими неожиданностями и переживаешь превращения. Увеличение значимости данной функции отмечают в последнее время ряд урбанистов. Некоторые из них связывают с этим феномен джентрификации.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

Согласно Э. Гуссерлю, феноменологический метод осуществляется исключительно в рефлексии сознания на свою собственную «жизнь». Феноменологический метод имеет дескриптивный, а не каузально объясняющий характер. Это не какой-то специальный метод, а поисковая стратегия, направленная на выявление аналогичных способов восприятия жизненной среды.

«Классическая социология занимается эмпирическими исследованиями с помощью стандартизированных, объективных методов и через дедуктивные заключения приходит к знаниям; романтическая – открывает предмет интуитивно, она с фантазией выдумывает свои вопросы и творчески устанавливает методы» [11].

М. Вебер, введя понятие идеального типа как объяснительной конструкции, как мысленного эксперимента, говорил о них как «образах фантазии». А. Шюц, развивая его метод, говорил о типизации как создании смысловой взаимосвязи между предметностью и мотивом – мотивационной интенции.

Целью исследователя является выявление устойчивых схем толкования и определения ситуации, которые являются стратегиями поведения и взаимодействия с различными аспектами жизненного мира и среды обитания.

Методической задачей является реконструкция стратегий, которые выбирают представители культурного окружения, чтобы обеспечить свою идентичность, свою общность с другими и свое отличие от других. Метод получил название «аналитической индукции» –

поиска типичных для определённых интенциональных групп семантических единиц описания ситуации, поскольку именно язык воплощает опыт опредмечивания, конструирования интенциональной предметности. Различные языки – это различные способы видения мира, а не различные способы говорить об одном и том же. В речевой практике повседневности элементы речи приобретают специфически-ситуационное (эммерджентное) значение, отражают коммуникативный контекст и проясняют интенциональную направленность субъекта социального действия.

Единицей анализа в таком методическом контексте является интенциональная группа как сообщество однородного восприятия жизненной среды.

Признаками (единицами наблюдения) интенциональных групп являются:

- тезаурус – набор семантических средств для выражения и понимания смыслов;
- коммуникативная интенция – равнодействующая мотива и цели коммуникатора;
- коммуникативная компетенция – мера готовности к адекватной интерпретации коммуникативных намерений, понимание замыслов партнеров по общению;
- атенционная способность к коммуникации – готовность внимать партнеру и адекватно целям общения, оперировать текстуально организованной смысловой информацией, т.е. способность к активному диалогу, способность овладевать элементами порождаемой и интерпретируемой

смысловой информации и навыками адекватного целям общения и взаимодействия оперирования такими элементами, способность к осознанию и преодолению смысловых стереотипов, заключенных в готовые языковые формулы.

Эмпирическими индикаторами (единицами счёта) интенциональных групп могут являться:

- семантические ряды высказываний о городе (характер подбора слов, характер расположения слов, семантический дифференциал и др.);

- характер и ранг личностно значимых предметов, личные планы и перспективы;

- характер социальных контактов (с кем, зачем, как часто, как много и т.п.);

- показатели бюджета времени (на что человек тратит своё время),

- иерархия предпочтительности городских мест (где человек чаще бывает, куда его влечёт в мыслях);

- доминирующий тип эстетической референции городской среды (город как парк, город как транспортно-техническая система, город как архитектурный ансамбль, город как музей, исторический объект, город как сцена личностной презентации, город как театр импровизации и многое другое).

Для различных интенциональных групп характерны свои эмпирические индикаторы, которые могут быть выявлены лишь в ходе полевых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кантшин Г.Н. Городские культуры в конце века: антропологические перспективы // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. 6. № 20.
2. Смирнова Н.М. От социальной метафизики к феноменологии естественной установки (феноменологические мотивы в современном социальном познании) М., 1997.
3. Галл Дж. Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 28.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
5. Щюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 47.
7. Бикбов А. Москва / Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. 2002-03-04 (34).
8. Вальденфельс Б. Одновременность неоднородного. Современный порядок в зеркале большого города // Логос. 2002-03-04 (34). С. 342.
9. Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1.
10. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 136.
11. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998 Т. 1, № 1.

Статья представлена кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 2 марта 2004 г.

УДК 316:37

Н.В. Поправко, А.Е. Чеглоков

ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ В ПОЛИТИКЕ ТОМСКИХ ВУЗОВ: АДАПТАЦИЯ ИЛИ СТРАТЕГИЯ?

Статья посвящена проблеме трудоустройства выпускников томских вузов. Ее выводы основаны на результатах прикладных социологических исследований. Содержание статьи включает экспертные оценки таких аспектов проблемы трудоустройства, как престижность и востребованность выпускников, реальные возможности их трудоустройства, а также направленность усилий вузов на стадиях приема, обучения и выпуска специалистов. Основная цель статьи – ответить на вопрос: является ли политика вузов по трудоустройству продуманной стратегией, или адаптацией к наличным условиям.

Констатация того факта, что система высшего образования должна удовлетворять потребностям рынка труда в специалистах, выглядит трюизмом. Но только на первый взгляд. Относительная автономность сферы высшего образования относительно рынка профессий видна невооруженным глазом. Кроме того, указанная автономность является проблемой универсальной. Она касается всех стран и связана с особенностями социокультурного масштаба: повышенным динамизмом современного мира прежде всего. Именно это дало повод известному социологу Ульриху Беку назвать современное образование «поездом без вокзала», когда система работает в автономном режиме и – по сути – «вхолостую»: поставляемые на рынок специалисты, с одной стороны, сталкиваются с уже занятыми местами, с другой – их знания устаревают раньше, чем им удастся трудоустроиться [1].

Актуальность указанной проблемы для России приобретает острый характер на фоне особенностей, связанных с траекториями и издержками реформирования отечественной системы образования (и общества в целом) за последние 10–15 лет. Процессы трансформации образовательной системы России более чем за десятиле-

тие несут с собой, помимо позитивных сдвигов, и ряд известных издержек. Назовем лишь некоторые из них.

Во-первых, обозначилось серьезное противоречие между номенклатурой специальностей, предлагаемых вузами, и объективной структурной потребностью рынка труда.

Во-вторых, можно констатировать диссонанс между количеством выпускаемых специалистов и реальной потребностью в них.

В-третьих, налицо тенденция локализации, автономизации и парцелляризации образовательной системы: приток абитуриентов и трудоустройство специалистов резко сузились в географическом плане.

В-четвертых, сложилась ситуация рассогласованности среднего общего и среднего специального образования, с одной стороны, и высшего – с другой. Это выражается в различных требованиях к знаниям со стороны школ и вузов, а также в высокой степени неопределенности выпускников школ относительно будущей профессии.

В-пятых, снятие (вплоть до недавнего времени) с вузов обязанности распределения выпускников привело к неопределенности и дисперсному характеру поведения на рынке труда: слишком многие выпускники